

Федяй Инна Викторовнадоктор философских наук, профессор
Кыргызско-Российского Славянского университета**Кузнецов Алексей Александрович**соискатель Кыргызско-Российского
Славянского университета**ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ
КАК РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ****Fedyay Inna Viktorovna**D.Phil., Professor,
Kyrgyz-Russian Slavic University**Kuznetsov Aleksey Aleksandrovich**PhD applicant,
Kyrgyz-Russian Slavic University**ISLAMIC RADICALISM
AS THE RELIGIOUS AND POLITICAL
PHENOMENON IN THE MODERN
SCIENTIFIC DISCOURSE****Аннотация:**

В статье анализируются две точки зрения на исламский радикализм и раскрываются причины их появления. Исламский радикализм рассматривается в контексте противостояния классической и неклассической парадигм международных отношений. Авторы приходят к выводу, что исламский радикализм представляет собой архаико-религиозный вариант глобальной вестернизации, а не производит поиск механизмов для обеспечения культурной самобытности мусульман.

Ключевые слова:

религиозный экстремизм, традиционализм, фундаментализм, исламский радикализм, парадигма, глокализация, научный дискурс, конфликтность, социальная мобилизация, хаотизация, современные войны, глобализационные процессы, форма управления.

Summary:

The article analyzes two points of view on Islamic radicalism and discovers its reasons. The research examines Islamic radicalism in the context of opposition of the classical and nonclassical paradigms of international relations. The authors conclude that Islamic radicalism is the archaic religious version of the global westernization, and it does not search for mechanisms to ensure the cultural identity of Muslims.

Keywords:

religious extremism, traditionalism, fundamentalism, Islamic radicalism, paradigm, glocalisation, scientific discourse, propensity towards conflict, social mobilization, chaotization, modern wars, globalization processes, management form.

Понять суть того или иного явления, вскрыть его причины можно, только поместив его в некое теоретическое поле и рассматривая его в соответствии с понятиями этого поля. Чтобы анализировать факты, нужны критерии. Эти критерии и дает определенная теория. Поэтому эмпирический факт нельзя путать с научным, так как «научный факт – это эмпирический факт, включенный в ту или иную теорию: вне теории, вне системы причинно-следственных связей, которые определяются только на основе теории, нет научных фактов, только эмпирические, стремительно превращающиеся в мусор вне каузальной системы» [1, с. 282]. Исходя из этого, попробуем разобраться с исламским радикализмом (ИР) как религиозно-политическим феноменом современности и проанализировать научный дискурс, посвященный данному явлению.

Исламский радикализм (исламизм) – это идеологическая доктрина и основанная на ней практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации своих сторонников [2]. В контексте основных течений ислама исламский радикализм определяют как радикальную часть фундаментализма.

Вместе с тем исследователи, рассматривая традиционализм и фундаментализм в качестве основных течений ислама, трактуют их как противоположные. Фундаментализм, таким образом, вовсе не является реакцией традиционного общества на модернизацию ислама. Он находится в конфликте с традиционными направлениями ислама. Это исламский вариант Реформации.

Традиционализм – это версия ислама, которая исторически сложилась в той или иной стране, стереотип поведения. Традиционализм подразумевает неразделенность этнического и конфессионального начала и, следовательно, ограниченное распространение в рамках одной территории, где джихад понимается как насилие над собой, а не над другими. Фундаментализм же старается «очистить» ислам от культурно-исторических и этнических наслоений, вырвать его из конкретной культурно-исторической традиции. Поэтому он всегда стремится выйти за пределы своей страны, отсюда его эндогенная конфликтность и предопределенность к борьбе не только с традиционным исламом, но и с государственностью как историческим институтом.

Таким образом, если традиционализм использует традиционную форму для сохранения традиционных отношений, то фундаментализм эксплуатирует традиционную форму, стремясь к радикальной перестройке всех традиционных отношений. Это модернистское содержание с антитрадиционной направленностью, но в архаичной форме. А значит, он органично встраивается в мондиалистский неолиберальный проект, а вовсе не предлагает ему некую цивилизационную альтернативу. Напротив, его альтернативное мироустройство вписывается в стратегию транснационального класса, в глобализационные процессы. Альтернативным же оно является именно для традиционного культурно-исторического пространства с его институтами.

Если рассмотреть разницу между данными течениями ислама в ракурсе всемирной истории, то совершенно очевидно, что традиционный ислам, как и вообще все традиционные религии, существует в контексте той или иной государственности. Он развивается в рамках определенного культурно-исторического пространства и является его субъектом, то есть имеет собственное содержание и цели. А значит, он эндогенно предопределен к союзу с государством (так называемый официальный ислам), исторически встроено в традиционные институты и поэтому внутренне, структурно противостоит глобализационным процессам. В то же время фундаментализм структурно (сетевая структура) существует именно в глобализационном пространстве, эндогенно вписывается в глобальную сетевую структуру, а потому не может внутренне, структурно иметь собственного содержания и целей, разве только во внешней религиозной видимости.

Таким образом, причина различия двух версий ислама заключается в самом характере появления. Традиционный ислам возникает в цивилизационном, культурно-историческом пространстве как один из институтов этого пространства, как его субъект. Поэтому он структурно предрасположен к существованию именно в этом пространстве и к союзу с другими историческими институтами этого пространства. И именно он, а не фундаментализм диссонирует с процессами глобализации.

Фундаментализм возникает в контексте именно глобализационных процессов, поэтому органично вписывается в современное пространство, является частью процессов глокализации, их инструментом. Например, радикальную его часть – экстремизм и терроризм, А.И. Фурсов определяет как одну из новых форм управления глобализационными процессами. Именно поэтому фундаментализм эндогенно предрасположен к конфликтности со всеми институтами традиционного культурно-исторического пространства. Посредством него разрушают историческую мусульманскую государственность – не модернизируют, а именно разрушают, создавая локальные зоны хаоса.

Таким образом, фундаментализм является структурным элементом универсального глобального проекта и структурно предрасположен к конфликту со всеми традиционными институтами, но не с глобалистскими структурами. Отсюда ясно, что исламский радикализм как радикальная часть фундаментализма вовсе не является борцом с глобализацией, реакцией на ее негативные для мусульманской культуры последствия. Напротив, он – один из ее инструментов. **ИР можно определить как форму социальной мобилизации мусульман в контексте глокализации, в ракурсе воплощения западного неолиберального проекта, а вовсе не выступления против него.**

Парфразируя О.Н. Четверикову, можно сказать, что ставка на ИР – это стратегическая линия транснационального класса, отвечающая его коренным интересам, поскольку именно он становится орудием построения «цивилизации кочевников» [3]. Можно даже выделить социально-экономические, цивилизационные и геополитические выгоды этого феномена. Социально-экономическая выгода заключается в том, что фундаменталистский радикализм придает проблеме бедности не столько социальный, сколько религиозный характер. Цивилизационная выгода состоит в том, что в контексте ИР исчезает поиск цивилизационной альтернативы Западу. Геополитическая выгода выражается в создании постоянных очагов напряженности в нужных местах.

Тем не менее общим местом в трактовке ИР стало определение его как ответа на вестернизацию и унификацию глобализационных процессов, поиска механизмов для обеспечения культурной самобытности мусульман [4] или как попытки придать мусульманскому социуму импульс развития, сделать его конкурентоспособным Западу и пр. Но в таком случае отсюда неизбежно должен следовать вывод, что ИР (и экстремизм) имеет собственные цели, созидательное содержание и является самостоятельным геополитическим субъектом. Более того, тогда ИР неизбежно предстает как цивилизационная альтернатива Западу, ведущая к восстановлению мусульманской государственности и культуры. Реалии «арабской весны» показывают прямо противоположное. Большинство авторов (Т. Вольтон, А.А. Игнатенко, О.Н. Четверикова и др.) также утверждают обратное, а именно:

- 1) ИР не имеет собственных целей и созидательного содержания;
- 2) является не субъектом, а объектом мировой политики;
- 3) ведет к разрушению исторической мусульманской государственности и культуры;
- 4) не ведет поиск цивилизационной альтернативы западному обществу потребления, а вписывается в него в качестве «локального ислама» диаспор;

5) структурно идентичен глобализации, представляя собой один из вариантов сетевой структуры;

6) является вырождением и деградацией традиционного ислама.

Данные выводы соответствуют гипотезе о том, что ИР – это антитрадиционализм, некий религиозный постмодерн в архаичной форме. То есть **это лишь один из вариантов глобальной вестернизации и хаотизации, только в архаично-религиозной мусульманской окраске**, им вовсе не ведется поиск механизмов для обеспечения культурной самобытности мусульман. Дело в том, что ислам, будучи религией всеохватывающей и нерасчлененной, не секуляризируется, а потому используется транснациональным кланом в форме фундаменталистской архаики. Но данная архаичная религиозность – лишь видимость, окраска, скрывающая модернистское содержание и структурную встроенность в глобальный универсальный проект.

Отчего же происходит это несоответствие выводов начальным установкам? Оттого, что писать об ИР вообще, не определив концептуальное поле системы международных отношений, мировой политики, глобальных и региональных процессов, нельзя. Данное несоответствие изначальных установок и последующих выводов может означать лишь одно: ИР помещают не в то теоретическое поле и, следовательно, используют не те критерии для его анализа, этим и объясняется его оправдывающая оценка, не соответствующая действительности.

Понятийным полем, встроенность в которое предопределяет подобные трактовки исламской радикализации, выступает теория колонизации и деколонизации. В этом каузальном поле процесс радикализации ислама напрямую связывают с процессами колонизации и последующей деколонизации как причинами приниженой роли мусульманских государств в мире. Исследуя ИР в этом контексте, его и трактуют как попытку обеспечить культурную самобытность мусульман, придать мусульманскому социуму импульс развития и т. п. Рассматривать же ИР необходимо в ракурсе основных тенденций международных отношений и мировой политики, тогда как процессы колонизации и деколонизации таковыми уже не являются. Главная современная тенденция, которой определяются все явления международных отношений и мировой политики, – это глокализация. Поэтому в современной теории международных отношений можно констатировать наличие двух противоположных парадигм: классической и формирующейся новой, неклассической, мондиалистской. Каждая из них является самостоятельной системой, со своим типом связей, своими политическими, правовыми и идеологическими нормами.

Классическая система строится на идее абсолютной суверенности государства. Международное публичное право с его центральным постулатом – принципом невмешательства и понятием «национальные интересы» – основывается именно на концепции абсолютной суверенности государства. Данная концепция через 400 лет после Вестфальского мира была положена в основу Устава ООН и заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. Дополненный принципом нераспространения ядерного оружия и принятый большинством стран, данный миропорядок обеспечивал в течение длительного времени равновесие мировых сил не только в Европе, но и в целом на планете.

Вторая парадигма, представленная западной школой глобалистики, основывается на вильсонской идее мира как концепции, которая выше национальных интересов, суверенитета и независимости, т. е. тех аспектов жизни нации, за которые во все века воевали. В данной парадигме оформляется сетевая структуризация международных отношений с размыванием границ между внутренней и внешней политикой, с расширением управления международными процессами до негосударственных субъектов и эрозией государственной монополии в определении характера международных отношений.

Именно в контексте этой основной современной тенденции появляются такие реалии, как «арабская весна», демонтаж и разрушение традиционных институтов, перестройка всей цивилизационной структуры по сетевому принципу. Для этого используются миграционная политика, усиление роли диаспор, где, с одной стороны, религия смещается в сферу индивидуальной идентичности, неспособной к коллективным установкам и культурным проектам, – так называемая неолиберальная политизация ислама (рыночный ислам), с другой – развиваются исламский радикализм и экстремизм.

В данном противостоянии парадигм как главной современной тенденции международных отношений и мировой политики любые конфликты и военные действия, помимо внешних тактических причин и целей, имеют внутреннюю стратегическую нагрузку, являются частью указанного глобального противостояния. Это определяет новое лицо современных войн [5]. Войны становятся не только все более опасными, сложными и деструктивными, но и все более трудно определяемыми, т. е. стирается сама граница между войной и миром.

Главной целью при этом становится не тотальное поражение противника, а лишение его субъектности и превращение в инструмент для достижения целей победителя. Если в этом ракурсе рассмотреть ислам, то станет очевидно, что задачу лишения ислама субъектности выполняет фундаментализм. Так как что такое фундаментализм? Это отрыв ислама от конкретного

культурно-исторического пространства или наслоения, так называемый «чистый ислам» [6]. В результате ислам лишается реальности и, абстрагируемый от нее, становится инструментом реализации целей сетевых элит, а мусульманское культурно-историческое пространство с его институтами лишается смысла и распадается.

Данный механизм лишения религии субъектности не нов и был отработан еще в процессе христианской Реформации, в виде отделения церкви мистической, невидимой от церкви исторической, видимой. В результате мистическая церковь лишалась реальности и исчезала, дробилась, каждый сам себе становился церковью. Видимая историческая церковь лишалась религиозного смысла, превращаясь в рукотворный, бюрократический институт, который можно постоянно реформировать и как угодно изменять [7]. Те же нереальные смыслы и бессмысленная реальность. Только в случае ислама, с его неотделимостью от других сфер культуры и отсутствием института церкви, *основная мишенью вместо церкви выступает мусульманская государственность. Фундаментализм дуалистически разводит не церкви, которых нет в исламе, а религию и культурно-историческое пространство со всеми его институтами. Это приводит не только к лишению субъектности ислама, но и к еще большему ослаблению и последующему распаду мусульманских государств.*

Таким образом, **исламский радикализм лишает ислам субъектности и, облекая его в форму экстремизма, превращает в один из новых способов управления глобализационными процессами.** В этом ракурсе ИР можно определить как олицетворение нового типа войн, как одно из орудий глобального транснационального проекта. Но чтобы увидеть это, необходимо поместить ИР в теоретическое поле борьбы двух парадигм международных отношений и мировой политики и исследовать его в контексте этого поля.

Ссылки:

1. Фурсов А.И. Серые волки и коричневые рейхи // De Secreto. О секрете : сб. науч. тр. / сост. А.И. Фурсов. М., 2016. С. 277–320.
2. Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ / отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д., 2002. 120 с.
3. Четверикова О.Н. Теневая история Евросоюза: планы, механизмы, результаты // De Aenigmate. О тайне : сб. науч. тр. / сост. А.И. Фурсов. М., 2015. С. 355–460.
4. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. 180 с. ; Петрухина А.А. Исламский радикализм как фактор дестабилизации мировой политической ситуации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
5. Ларина Е.С. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит. М., 2016. 320 с.
6. Calvert J. Sayyid Qutb and the origins of radical Islamism. N. Y., 2010. 377 p. ; Mura A. The symbolic scenarios of Islamism: a study in Islamic political thought. L., 2015. 258 p.
7. Федяй И.В. Проблема власти в истории русской философии (конец XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007.

References:

- Calvert, J 2010, *Sayyid Qutb and the origins of radical Islamism*, New York, 377 p.
- Chetverikova, ON & Fursov, AI (comp.) 2015, 'The shadow history of the European Union: plans, mechanisms, results', *De Aenigmate. O tayne: sb. nauch. tr.*, Moscow, pp. 355-460, (in Russian).
- Dobaev, IP & Malashenko, AV (ed.) 2002, *Islamic radicalism: the social and philosophical analysis*, Rostov-on-Don, 120 p., (in Russian).
- Fedyay, IV 2007, *The problem of power in the history of Russian philosophy (in the late XIX – early XX centuries)*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, (in Russian).
- Fursov, AI (comp.) 2016, 'Gray wolves and brown Reich', *De Secreto. O sekrete: sb. nauch. tr.*, Moscow, pp. 277-320, (in Russian).
- Larina, ES 2016, *Multiplying grief. How to survive in the era of the Elites War*, Moscow, 320 p., (in Russian).
- Malashenko, AV 2001, *Islamic guidelines of the North Caucasus*, Moscow, 180 p., (in Russian).
- Mura, A 2015, *The symbolic scenarios of Islamism: a study in Islamic political thought*, London, 258 p., <https://doi.org/10.4324/9781315552392>.
- Petrukhina, AA 2012, *Islamic radicalism as a factor of destabilization of the world political situation*, PhD in Political Science thesis abstract, Moscow, (in Russian).